

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

LINGUOCULTUROLOGY

УДК 81-119

DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

Маслова Ж.Н.¹

ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

Аннотация. В статье осуществляется попытка применить инструментарий когнитивной поэтики и лингвокогнитивный анализ к изучению текстов классической поэзии. Автором рассматривается реализация одной из трех когнитивных стратегий в поэзии Н.С. Гумилёва и исследуется взаимосвязь между основами поэтического мира Гумилёва и когнитивной стратегией, в рамках которой складываются языковые особенности, фиксирующие в тексте основные параметры взаимодействия субъекта и мира.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; когнитивная стратегия; поэтический текст; Н.С. Гумилёв; онтологическая система; поэтическая картина мира.

Для цитирования: Маслова Ж.Н. Опыт лингвокогнитивного анализа поэзии Н. Гумилёва // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 2. – С. 88–96. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

---

¹ © Маслова Ж.Н., 2023

Маслова Жанна Николаевна – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Русский и иностранные языки» Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, e-mail: maslovajanna@mail.ru

MASLOVA Zh.N.¹

**EXPERIENCE OF LINGUISTIC AND COGNITIVE ANALYSIS
OF N. GUMILEV'S POETRY**

Abstract. The article attempts to apply the tools of cognitive poetics and linguo-cognitive analysis to the study of texts of classical poetry. The author considers the implementation of one of three cognitive strategies in the poetry of N.S. Gumilyov and examines the relationship between the foundations of Gumilyov's poetic world and cognitive strategy, which develops linguistic features that fix the main parameters of the interaction between subject and world in the text.

Keywords: cognitive poetics; cognitive strategy; poetic text; N.S. Gumilyov; ontological system; the poetic picture of the world.

For citation: Maslova Zh. N. Experience of linguistic and cognitive analysis of N. Gumilev's poetry // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics. – 2023. – N 2. – Pp. 88–96. – Moscow, 2023. – DOI: 10.31249/ling/2023.02.05

Наследие классической литературы неисчерпаемо. Вместе с новыми смыслами, которые открываются поколениям современных читателей, появляется возможность изучения художественных и поэтических текстов с применением иных методов анализа. Развитие методологии когнитивной поэтики позволяет вписать исследования художественного и поэтического текста в актуальный научный контекст. Данная статья посвящена анализу поэзии Н. Гумилёва с помощью инструментария когнитивной поэтики, определенного при развитии положений теории поэтической картины мира [Маслова, 2017]. В рамках развития теории поэтической картины мира на основе выделения трех культурогенно значимых, т.е. способствующих появлению, развитию и распространению культуры, типов текстов [Карасик, 2009] было сформулировано положение о трех основных авторских позициях по отношению к миру [Маслова, 2014].

Отношения творческой личности и реальности, в которой она существует, можно представить в виде двух взаимодействующих

---

¹*Maslova Zhanna Nikolayevna* – Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Russian and Foreign Languages, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, e-mail: maslovajeanna@mail.ru

систем («Я» и «МИР»). Несмотря на разнообразие субъективных точек зрения, взаимодействие между двумя данными системами можно свести к трем стратегиям освоения мира, которые условно обозначены как «Жрец», «Ремесленник», «Фокусник». Данные когнитивные стратегии рассматриваются как «закрепленные в основных параметрах варианты конфигурации знания, обеспечивающие адекватную интерпретацию и трансляцию художественного опыта» [Маслова, Захарова, 2014, с. 61].

Каждая стратегия имеет ментально-языковой характер, т.е. определяет некую конфигурацию знания на ментальном уровне, которая репрезентируется в языке. Таким образом, в рамках конкретной стратегии формируются языковые особенности, определяющие основные параметры взаимодействия субъекта и той среды, в которой он существует. В когнитивных стратегиях закреплена определенная практика освоения мира, и данная триада авторских позиций не обусловлена национально-культурными уникальными чертами, что обуславливает возможность применения теоретических положений к разным национальным литературам.

Предварительный анализ поэтических произведений Н. Гумилёва показал, что в его поэзии преобладает стратегия «Жрец». Следует заметить, что изначально жрецы были создателями сакральных текстов, в которых они закрепляли представления об устройстве мира и иерархию ценностей. Как правило, тексты Жреца отражают наделение природных сил сверхъестественными и эталонными характеристиками, их одушевление, а также установление упорядоченности мира. Такое восприятие мироустройства отражается на выборе языковых средств, метафорике и структуре текста в целом. Например, *«И ты помнишь, как, только одно из морей, / Ты исполнило некогда Божий закон, / Разорвало могучие сплавы зыбей, / Чтоб прошел Моисей и погиб Фараон»* («Красное море»), *«Капли в лужах плещутся размерней / И бормочут свой псалом, / Как монашенки в часы вечерни / Торопливым голоском»* («Дождь»), *«Есть Моисеи среди дубов, / Марши между пальм...»* («Деревья»). В данном случае упорядоченность мироустройства закреплена в понятии «Божий закон», а источниками поэтической образности служат священные тексты.

В соответствии с реализуемой стратегией «Жрец» в восприятии поэта природа имеет сакральное космическое начало, которое

особенно проявляется в экзотических пейзажах. Если это русская природа, которая кажется скромной по отношению к далеким странам, то такая скромность напускная, маскирующая: *«Земля, к чему шутить со мною: / Одежды нищенские сбрось / И стань, как ты и есть, звездюю, / Огнем пронизанной насквозь!»* («Природа»). Пейзажи Н. Гумилёва абстрактны, слабо связаны с хозяйственной деятельностью человека. В соответствии со стратегией «Жрец» пейзажи могут быть фантастичны, принадлежать ирреальному миру: *«Но каждую ночью так ясно мне снятся / Большие, ночные озера»* («Озера»). Природа – основа мира, мир природы первичен: *«Я знаю, что деревьям, а не нам / Дано величье совершенной жизни, / На ласковой земле, сестре звездам, / Мы – на чужбине, а они – в отчизне»* («Деревья»).

В поэзии Н. Гумилёва присутствуют элементы мифологического восприятия мира. Мифы как древнейшие сакральные тексты базируются на осознании величия мира природы. В данных текстах преобладает обращение к миру природы и космосу, осознание иерархичности мира, его могущества и первичности, закрепленное в соответствующей метафорике, абстрактной географии (мифологический Египет, третий Рим...) и т.п. Примерами сакрализованного видения географии могут служить следующие цитаты: *«На таинственном озере Чад / Посреди вековых баобабов»* («Озеро Чад»), *«Как серебряным звоном летел / Мерный клекот над Русью лесною»* («Змей»), *«Перед воротами Эдема / Две розы пышно расцвели»* («Две розы»). Мифологическое время также отражает характер событий, находящихся вне истории: *«Ах, иначе в былые года / Колдовала земля с небесами, / Дива дивные зрелись тогда, / Чуда чудные деялись сами...»* («Змей»). В поэзии Н. Гумилёва наблюдается совмещение реального и филологического пластов: *«И гордые лебеди древних сказаний / На белые выйдут ступени»* («Озера»).

Для когнитивной стратегии «Жрец» характерна созерцательная позиция авторского «Я», его «нулевая», т.е. не представленная языковыми средствами, репрезентация. Если авторское «Я» в рамках данной стратегии выражено эксплицитно, то оно репрезентировано через личные местоимения, личные глагольные формы, не предполагающие активного воздействия на объекты.

Концепт «Я», который в когнитивной поэтике рассматривается как понятие, примерно соответствующее лирическому герою,

но не сводимое к нему, занимает организующее положение в системе пространственно-временных координат. Данный концепт является точкой, в которой совмещаются основные силовые векторы, направленные от «Я» («Я»-координаты), центра восприятия события, к участникам лирического события, и наоборот. «Я»-координата связывает в одно целое все элементы поэтического текста. В зависимости от направления воздействующих сил, а также их характера позиция авторского «Я» определяется как позиция созерцателя или деятеля. От особенностей репрезентации авторского «Я» зависит репрезентация других объектов. «Я»-координата вербализуется через «нулевую» репрезентацию, косвенными местоимениями и личными глагольными формами, личным местоимением первого лица единственного числа, личными местоимениями второго и третьего лица. На основании выбранной стратегии формируется языковая проекция авторского «Я» – *обозначенная, фрагментарная или имплицитная*.

Анализ текстов Н. Гумилёва показал, что преимущественно в его поэзии «Я»-координата эксплицитная и репрезентирует в стихах деятельную, активную позицию. Это подтверждается активным использованием личного местоимения «Я» и его падежных форм с разными глаголами («Ничего, ничего обо *мне!*», «Еще не раз вы вспомните *меня*»). Часто встречаются акциональные глаголы со значением физического действия («*Шел я по улице незнакомой / И вдруг услышал вороний грой*»), глаголы со значением ментальных процессов и состояний («*Я знаю женщину*»). Личное местоимение «Я» также участвует в установлении соответствий с другими объектами мира: «*Да, я знаю, я вам не пара*». Эту позицию нельзя назвать преобразовательной: «*Да, я понял. Символ жизни – не поэт, что творит слова, / И не воин с твердым сердцем, не работник, ведущий плуг*» («Жизнь»). Это более созерцательная позиция по отношению к миру, на что указывает достаточно большое количество глаголов восприятия: «*Но я, я смотрел на луну*».

Так как взаимодействие онтологических систем «Я» и «МИР» предполагает событийность, а необходимыми элементами события являются место, время и участники ситуации, то в когнитивной основе поэтического текста выделяются силовые векторы, которые фиксируют взаимодействие сил, создающих иерархию

элементов поэтического текста. При реализации стратегии «Жрец» данные векторы направлены преимущественно от «Я», и силовое воздействие не связано с изменением качества объектов. В пространственно-временном плане текста преобладает статичность. Изучение силовых векторов требует отдельного и более детального анализа, но в поэзии Н. Гумилёва на этом уровне стратегия «Жрец» не реализуется в чистом виде, так как позиция «Я» зачастую активна, более того, иногда силовое воздействие связано с изменением качества объектов: «Я счастье разбил с торжеством святотатца», «И пальцы ломаю до боли».

Когнитивная стратегия «Жрец» коррелирует со взглядами Н. Гумилёва на поэзию, для которого поэзия – один из способов выражения личности. В теоретических высказываниях о природе поэтического творчества Н. Гумилёв прибегает к сакральным метафорам «В стиле Бог показывается из своего творения, поэт дает самого себя, но тайного, неизвестного ему самому, позволяет догадаться о цвете своих глаз, о форме своих рук» [Гумилёв, 1991, с. 162]. Поэт рассматривает все объекты мира как составляющие мировой гармонии, осознавая свою причастность к мировому ритму, принимая все его воздействия.

Хотя божественное устройство мира предполагает иерархию, поэт, не ограничивая мир физически данной реальностью, включает в круг поэтического осмысления абстрактные сущности, но уравнивает их: «что же касается ангелов, демонов, стихийных и прочих духов, то они входят в состав материала художника и не должны больше земной тяжестью перевешивать другие взятые им образы» [Гумилёв, 1991, с. 175]. Поэт отказывается от иерархичности поэтических тем, уравнивая мир реальный и потусторонний. Это несколько противоречит «жреческому» восприятию мира, однако такая позиция Н. Гумилёва не влечет за собой утилитарного понимания реальности. Более того, иерархичность становится одним из основных положений акмеизма: «Разумеется, познание Бога, прекрасная дама Теология, останется на своем престоле, но ни ее низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в ее алмазный холод акмеисты не хотят» [там же]. Одной из характерных черт поэзии Н. Гумилёва становится нацеленность на познание познаваемого и расширение поэтического словаря за счет внимания к объектам мира: «...для выражения своего настроения

он создает объективный мир зрительных образов, напряженных и ярких, он вводит в свои стихи повествовательный элемент и придает им характер полуэпический – балладную форму» [Жирмунский, 1977, с. 129].

Активная, но не преобразовательная («ремесленная») позиция поэта, зафиксированная в когнитивной стратегии «Жрец», репрезентирована текстами, где Н. Гумилёв пишет о Ближнем Востоке и Африке, опираясь на свои впечатления. Данные поэтические описания локализованы во времени и пространстве. В данном случае поэтом через творчество реализуется еще одна сакральная, «жреческая» функция: с помощью поэтического языка поэт перемещает малознакомые или незнакомые объекты и явления в известный читателю европейский и русский мир. Такой перенос осуществляется, в частности, через слова-«медиаторы» [Ревзина, 2016, с. 269]. Например, подобную роль выполняют слова *уха, ванна, котел* в стихотворении «Красное море»: *«Здравствуй, Красное море, акулья уха, Негритянская ванна, песчаный котел!»* («Красное море»).

Русская тема отличается преобладанием конкретной, общепотребительной лексики. В поэзии Н. Гумилёва отражен некий мифологизированный путь, вписанный в русскую историю и литературу. Это путь, известный по былинам, истории паломничеств, по некрасовской поэме [там же]: *«Выйдет такой в бездорожье, / Где разбежался ковыль, / Слушает крики Стрибожьи, / Чужа старинную быль... / Путь этот – светы и мраки, / Повист разбойный в полях, / Ссоры, кровавые драки / В страшных, как сны, кабаках»* («Мужик»). Это образ не пародийный, он также не воплощает человека труда: *«В гордую нашу столицу / Входит он – Боже, спаси! – / Обворожает царицу / Необозримой Руси»* («Мужик»). Мифологизированный пейзаж: *«В чащах, / в болотах огромных, / У оловянной реки, / В срубах мохнатых и темных / Странные есть мужики»* («Мужик»). Хотя здесь явно угадывался современниками образ Г. Распутина, тем не менее, этот образ мифологизирован и абстрактен.

Поэт далек от пародийного взгляда на мир, который свойствен другой когнитивной стратегии, он не высмеивает мироустройства, что также является показательным для репрезентируемой стратегии. Н. Гумилёв далек от идей преобразования мира

с помощью технического прогресса, он не воспевает утилитарную функцию вещей. Следует заметить, что тип когнитивной стратегии жестко не связан с историческими этапами и эпохами развития истории или производства / цивилизации. Уместнее говорить о преобладании одной из них в определенные промежутки времени или у определенных авторов. Когнитивные стратегии существуют в свернутом виде и не исчезают после того, как они отработаны. Выделенные типы авторской позиции и соотносимые с ними когнитивные стратегии не следует приравнивать к более конкретным понятиям – фигуре лирического героя и авторской точке зрения. В выявленных стратегиях закреплён лишь общий принцип взаимодействия между субъектом и миром как двумя живыми системами, однако этот принцип демонстрирует признаки стабильности и может быть выявлен путем анализа языковых репрезентаций. Таким образом, формируются своеобразные направляющие векторы, вокруг которых организуется концептуальное и языковое содержание. Внутри каждой стратегии складываются языковые особенности, фиксирующие в тексте основные параметры взаимодействия субъекта и мира.

Список литературы

- Гумилёв Н.С.* Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : ТЕРРА, 1991. – Т. 4. – 704 с.
- Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Ленинград : Наука, 1977. – 408 с.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
- Маслова Ж.Н.* Введение в когнитивную поэтику. – Тамбов : Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2014. – 251 с.
- Маслова Ж.Н., Захарова М.Г.* Когнитивные стратегии и их роль в структурировании художественного опыта // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов VI международной интернет-конференции, Саратов, 26–28 февраля 2014 года. – Саратов : ИЦ «Наука», 2014. – С. 60–65.
- Маслова Ж.Н.* Когнитивная концепция поэтической картины мира : монография. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2017. – 420 с.
- Резвина О.Г.* Поэтика Н. Гумилёва // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 263–279.

References

- Gumilyev N.S. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 4 t. T. 4. – Moscow : TERRA, 1991. – 704 p.
- Zhirmunskij V.M. *Teorija literatury. Pojetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. – Leningrad : Nauka, 1977. – 408 p. (In Russian)
- Karasik V.I. *Yazykovye kljuchi* [Language keys]. – Moscow : Gnozis, 2009. – 406 p. (In Russian)
- Maslova Zh. N. *Vvedenie v kognitivnuju pojetiku* [Introduction to Cognitive Poetics]. – Tambov: Tambovskij gos. un-t im. G.R. Derzhavina, 2014. – 251 p. (In Russian)
- Maslova Zh. N., Zaharova M.G. Kognitivnye strategii i ih rol' v strukturirovanii hudozhestvennogo opyta [Cognitive strategies and their role in structuring the artistic experience]. *Inostrannye jazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy dokladov VI mezhdunarodnoj internet-konferencii, Saratov, 26–28 fevralja 2014 goda.* – Saratov : IC “Nauka”, 2014. – Pp. 60–65. (In Russian)
- Maslova Zh.N. *Kognitivnaja koncepcija pojeticheskoj kartiny mira: monografija* [Cognitive strategies and their role in structuring the artistic experience] 2-e izd., ster. – Moscow : Flinta, 2017. – 420 p. (In Russian)
- Revzina O.G. Pojetika N. Gumilyeva [Poetics of N. Gumilev]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. – 2016. – № 7. – Pp. 263–279. (In Russian)